

Переодевшись в рабочую форму, Фу Цзяньси вышел из раздевалки и направился в административное крыло. На пороге его встретила странная тишина — в приемной не было ни души, а дверь во внутренний кабинет Лю Цзинжуя стояла приоткрытой. Интуиция заставила Цзяньси замереть на месте. И не зря: мгновение спустя из-за двери донесся знакомый мужской голос — глухой, хриплый, сдерживаемый рык.

— Говори!

Цзяньси хватило секунды, чтобы узнать голос. Он тут же развернулся и бесшумно пошел назад. Внутри был сам генеральный директор «Лазурного моря и облачного неба» — теперь понятно, почему персонал испарился, словно по команде.

Простую истину «хочешь жить долго — уноси ноги быстро» он усвоил железно. Тут и высшей математики не требовалось, все предельно просто.

Миновав коридор, Цзяньси направился к стойке регистрации винного погреба. Старшая хостес как раз что-то объясняла гостю. Заметив его приближение, она едва ли не просияла.

— Сэр, а вот и винный стюард, он вас проводит, — обратилась она к мужчине и многозначительно зыркнула на Цзяньси.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался Цзяньси, забирая у хостес бланк заказа.

Мужчина лишь коротко обронил:

— Угу.

И развернулся к лифту.

Цзяньси шел на шаг позади, перебирая в уме информацию о частном погребе №9.

— Да... Только приехал... Сразу спускайся в погреб, — коротко бросил мужчина в трубку.

Цзяньси приложил карту к замку. Из приоткрывшейся массивной двери пахнуло прохладой и густым винным ароматом. Гость задержался у балюстрады, окинул взглядом подземный зал и неторопливо стал спускаться по винтовой лестнице. Он притворил дверь и последовал за ним.

Глядя на его спину, Цзяньси невольно залюбовался. Мужчина выглядел безупречно: высокий, подтянутый, безукоризненно одетый. Его неспешная, расслабленная походка под тихие джазовые аккорды идеально вписывалась в атмосферу дорогого винного погреба. Настоящая гармония звука, аромата и стиля.

Гость прошелся вдоль стеллажей с бутылками, выбрал одну и направился к барной стойке. Протянув бутылку Цзяньси, он негромко произнес:

— Минут через десять подойдет еще один человек.

Цзяньси почтительно кивнул, принял бутылку и скрылся за рабочей зоной бара.

Из мини-холодильника у винного шкафа он достал лайм, вымыл его и нарезал аккуратными дольками. Затем вытащил кусок льда, измельчил его в блендере и высыпал крошево на темную фарфоровую тарелку, выложив сверху зеленые цитрусовые дольки.

Когда он заканчивал сервировку, негромко звякнул дверной звонок. Цзяньси только потянулся, чтобы стянуть одноразовые перчатки и нажать кнопку разблокировки, но сидевший у стойки мужчина опередил его и сам нажал на пульт. Щелкнул электронный замок, тяжелая дверь погреба отворилась и мягко закрылась. По лестнице зашуршали шаги.

Цзяньси натянул полуснятую перчатку обратно и вернулся к работе.

— Быстро ты, — отозвался первый гость. — Закончил дела?

— Угу.

Цзяньси на секунду замер. Голос новоприбывшего показался ему смутно знакомым, но лица он пока не видел. Вернувшись к холодильнику, он достал баночку крупной морской соли, затем вытащил из ящика под столешницей квадратное деревянное блюдо и маленькую ложечку. Аккуратно насыпал соль на блюдо, сформировав из нее аккуратную белую горку.

Наполнив ведро льдом, он поместил туда бутылку. На поднос легли дольки лайма, соль, два бокала и ведро. Подхватив поднос, Цзяньси неторопливо вышел к стойке. Его скользящий, почти незаметный взгляд мазнул по лицам гостей.

Но даже этой сотой доли секунды хватило, чтобы он встретился взглядом с Фан Юем.

— Если старик узнает, что я торчу тут, а не играю с ним в шахматы, плешь мне проест, — ворчливо заметил первый мужчина.

Пока он говорил, Цзяньси бесшумно расставлял перед гостями бокалы и закуску. Спутник Фан Юя плеснул вина в оба бокала и покосился на угрюмого, молчаливого друга.

— Ну и мина у тебя. Что, до сих пор не отошел от той трепки? — поддел он его.

Фан Юй лишь криво усмехнулся:

— Спасибо.

Он придвинул к себе бокал и осушил его одним глотком.

— Эй, полегче! Ты сюда нарезать пришел, что ли? — Его друг взял дольку лайма, прикусил ее и покачал головой. — Выкладывай, в чем дело. Твой личный психотерапевт готов выслушать.

Мужчина облокотился на стойку, лениво покачивая бокал по кругу.

— Тоска, — Фан Юй прикрыл глаза и устало потер пальцами виски. — Цвести другим, пока я увядаю... — Его голос прозвучал мягко и бесконечно одиноко.

— Ого, всего один бокал, а мы уже Шекспира цитируем? Дружище, да ты никак влюбился и схлопотал от ворот поворот? — Мужчина прыснул, едва сдерживая откровенный хохот.

Убирая инструменты в рабочей зоне, Цзяньси едва заметно усмехнулся.

«Надо же, «господин Фан» решил утопить горе в дешевом драматизме. Кого он пытается разжалобить этой кислятиной?»

— Хочешь, продолжу? А то смотреть на твои страдания сил нет, — хмыкнул его приятель и тоже осушил бокал. — «Пред временем ничто не устоит»...

Лениво обронив строчку, он замолчал. Тишина снова окутала бар. Ни смеха, ни разговоров — мужчины лишь молча цедили алкоголь бокал за бокалом, пока бутылка почти не опустела.

Прошло едва ли минут пятнадцать, но Цзяньси казалось, что тянется целый час.

«Два взрослых мужика заперлись в погребе, чтобы разыгрывать драму разбитых сердец с дешевым алкоголем и шекспировской поэзией... Ни за что бы не поверил, что Фан Юй способен на подобный фарс»

Решив, что его присутствие здесь лишнее, Цзяньси вышел из-за стойки, собираясь уйти. Но на полпути его окликнул спутник Фан Юя.

— Сделайте одолжение, принесите ему еще одну бутылку, — попросил он, указав на друга.

Цзяньси обернулся к поднявшемуся из-за стойки гостю:

— Подать здесь или завернуть с собой?

Мужчина положил руку на плечо Фан Юя и покачал головой:

— Не нужно. — Он дружески похлопал друга по спине. — Пей один. Если я останусь, у меня самого крыша поедет. Лучше поеду к старику, сыграю партию-другую. Будет время — загляни в клинику, надо проверить твои несчастные ребра.

Фан Юй лишь вяло отмахнулся. Мужчина развернулся и стал подниматься по лестнице.

Цзяньси вежливо отступил, пропуская гостя, и пошел следом, чтобы проводить его наверх. На пороге мужчина остановился и обернулся к нему:

— Если он совсем отрубится, будьте добры, отправьте его в номер наверху. Спасибо.

Для Цзяньси это было прямым распоряжением владельца погреба.

— Будет сделано, сэр, — ответил он.

Проводив гостя взглядом, пока тот не скрылся за поворотом, Цзяньси вернулся под прохладные своды подземелья.

Он намеренно неторопливо прошелся между винными стеллажами, затягивая время. В той бутылке еще оставалось немного, так что Фан Юю было чем заняться. Держаться подальше от пьяного мужчины, сознательно ищущего саморазрушения, — базовое правило безопасности. Наконец, выбрав такую же бутылку, Цзяньси вернулся за барную стойку.

Новую бутылку в ведерке со льдом он бесшумно придвинул к Фан Юю, а пустую посуду и грязные бокалы собрал на поднос.

Фан Юй молча наблюдал за его уверенными, спокойными движениями. Цзяньси вел себя так естественно, будто они были совершенно чужими людьми, никогда не спали под одной крышей и не разговаривали по душам.

«Как у этого мальчишки получается? Он вообще человек? Неужели у него нет ни сердца, ни намека на чувства?»

Фан Юй осушил остатки в бокале и с глухим стуком опустил тяжелое стекло на мраморную столешницу. В полумраке и тишине погреба этот звук прозвучал вызывающе резко.

Цзяньси с подносом в руках замер на полпути к раковине. Выдержав паузу, он спокойно

опустил посуду на рабочую поверхность, повернулся и прислонился спиной к краю стойки.

Он безмолвно вопрошал взглядом: «И что это значит?»

— Поговорим, — Фан Юй сжал свободную руку в кулак на колене, а пальцами другой принялся размеренно постукивать по черному мрамору стойки.

— Давай, — согласился Цзяньси.

Еще когда пришло сообщение, он понял, что этого разговора не избежать. Но он никак не ожидал, что они будут выяснять отношения здесь, да еще и при таком Фан Юе — полупьяном, мрачном, растерявшем весь свой привычный лоск.

Цзяньси видел, что мужчина на взводе. Его привычная дежурная полуулыбка исчезла, а во взгляде больше не было той нагловатой, откровенной уверенности.

С одной стороны, так было даже лучше. С другой — привычка штука опасная. Даже такая раздражающая, как назойливое внимание Фан Юя. Стоило правилам игры измениться, как внутри появилось глухое беспокойство.

«Что же пошло не так?» — Цзяньси слегка нахмурился, лихорадочно соображая.

— Давай сначала скажу я, — перебил его Цзяньси, не дав начать. — Во-первых, спасибо за помощь. Даже если удалось выбить всего десять процентов, для меня сейчас это колоссальное подспорье. Так что я действительно тебе благодарен.

Он говорил искренне, глядя прямо в глаза. Какие бы недоразумения ни стояли между ними, за реальную помощь он привык говорить спасибо от чистого сердца.

Фан Юй сидел в густой тени бара, его лицо тонуло в полумраке, но глаза лихорадочно блестели. Он застыл, не сводя взгляда с парня, стоявшего напротив. Силуэт Цзяньси тоже расплывался в тусклом свете — то ли из-за полумрака, то ли из-за выпитого вина.

Фан Юй сознательно довел себя до этого состояния легкого хмеля. Только так он мог вывалить все, что скопилось на душе, не заботясь о приличиях. Ему просто хотелось ясности. В последнее время жизнь упорно ставила ему подножки, и он отчаянно жаждал получить от Цзяньси хотя бы крупицу взаимности. Хотя бы один честный ответ.

«Мальчишка слишком умен. Еще рта открыть не успел, а уже перехватил инициативу»

«Ладно, это было "во-первых". А что на "во-вторых"?»

— И? — глухо спросил Фан Юй. Его лицо оставалось мрачным, а взгляд — пугающе сосредоточенным. Он вдруг испугался, что если позволит Цзяньси продолжить, тот снова ударит по больному. Никто не знал лучше Фан Юя, насколько ядовитым и безжалостным может быть язык этого парня. — Теперь послушай меня...

— Фан Юй, — негромко перебил его Цзяньси.

Тот осекся. Плечи мужчины напряглись, он прищурился, не отрывая взгляда от собеседника.

— Свернуть не туда один раз — это невезение. Но упрямо переться по неверной дороге — это уже явные проблемы вот здесь, — Цзяньси постучал указательным пальцем по виску.

— Что? — Фан Юй опешил, а затем хрипло рассмеялся. — К чему ты клонишь?

Он соображал туго из-за алкоголя, но сердце требовало прямых ответов. Он не хотел играть в шарады.

— В этом мире есть вещи, которые не умирают и не стареют, — Цзяньси говорил медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, чтобы достучаться до хмельной головы. — Например... чувства.

«Поэтому не нужно доказывать всему миру собственную глупость, упрямо сворачивая на «тупиковую дорогу» в моем лице. И уж тем более не стоит глушить тоску алкоголем из-за неразделенной любви. Мы оба — взрослые, самодостаточные мужчины. Смотреть на этот скулящий комок жалости тошно — так и подмывает схватить Фан Юя за шкуру, ткнуть мордой в унитаз и смывать воду до тех пор, пока вся дурь из башки не выветрится»

В затянувшейся на минуту тишине Фан Юй заставил себя работать, пытаясь расшифровать витиеватую лекцию Цзяньси. И наконец до него дошло, какую мысль тот пытался донести, сделав крюк длиною в экватор.

Посыл был прост: во-первых, прекращай за мной бегать; во-вторых, от неразделенной любви еще никто не умирал.

Завернул, конечно, круче горного серпантина. Хорошо хоть, у Фан Юя еще остались капли здравого смысла.

— Теперь моя очередь, — Фан Юй потянулся к бутылке и налил себе еще полбокала.

Цзяньси молча сделал приглашающий жест рукой — валяй, мол.

— Некоторые дороги... слишком длинные. Идти по ним чертовски тяжело, — Фан Юй

завороженно смотрел, как покачивается темная жидкость на дне бокала, а затем поднял глаза на Цзяньси. — Но если не сделать первый шаг, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Для меня... ты и есть та самая дорога. Без вариантов.

Цзяньси перехватил этот горящий, отчаянный взгляд, и внутри у него словно что-то обожгло.

«Даже если это дорога, на ней можно лишь ненадолго задержаться или пройти мимо, — подумал он, поспешно отведя глаза и уставившись на светящиеся цифры термометра на винном шкафу. — Разве не в этом весь смысл пути?»

<http://bllate.org/book/18325/1768127>